

ВИВИЕН ЛИ
НАТАША АЙВЕРС

Клятва

ХАНА

18+

Наташа Айверс

Клятва Хана

<https://litres.ru/73974309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — неугодная принцесса великой империи Тан. Без права на голос, без надежды на выбор. Лишняя. Её судьбу решают за неё: дальний край степи, чужой народ и брак с женщиной, которому нет до неё дела.

Он — наследник каганата, воин, привыкший брать, что хочет, и не задавать лишних вопросов. Его не интересует хрупкая китайская невеста, присланная в знак союза. Она для него — всего лишь дань традициям.

Но степь не любит слабых. Здесь выживают только те, кто готов драться за своё место. И однажды хан даёт клятву.

Клятва, которую нельзя нарушить.

Мужчина, который не умеет любить.

И женщина, которую нельзя сломить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наташа Айверс

Клятва Хана

Пролог

*Шатёр наследного хана Баянчура. Уйгурский каганат.
Осень 745 года.*

Он грубо распахнул полог шатра и толкнул её внутрь. Здесь не было ни придворных, ни свидетелей. Теперь можно было не притворяться.

Он смерил её холодным, оценивающим взглядом.

— Кажется, перед тем как отдать, они забыли выбить из тебя горделивость и непокорность, — произнёс хан медленно, по-уйгурски.

Она молчала, не выказывая страха. Ни было ни слёз, ни мольбы. Только выпрямленная спина и прямой взгляд, полный упрямой храбрости.

Она приняла свою судьбу, но не смирилась.

Он задержался взглядом на её свадебном наряде. Тонкий, струящийся шёлк цвета распутившейся сливы. Рукава, расшитые золотыми нитями и жемчугом, тянулись до пола. На шее — ожерелье из белого нефрита — гладкого и матового — того самого камня, который в Поднебесной считался символом чистоты, добродетели и небесного происхожде-

ния. Он знал: такие украшения разрешалось носить только женщинам из дома императора — и лишь по особому указу. Волосы собраны в сложную причёску, усыпанную шпильками в форме фениксов и магнолий.

Она была слишком красивая и гордая.

Он чувствовал, как что-то тёплое, почти нежное прокралось под рёбра и заскреблось — точно запертый зверь, выли и царапался когтями из самого нутра. Он мгновенно подавил это. Раздавил, как мерзкого степного скорпиона, посмевшегося вылезти из укрытия. Такие вещи нельзя допускать. Такие чувства — опасны. Особенно к чужеземной девчонке, только что выданной ему в жёны в качестве политической разменной монеты.

Он шагнул ближе и — зачем-то — снова заговорил. Хотя знал: она не понимает уйгурского.

— Раз уж мы теперь женаты, — бросил он глухо, — стоит ли откладывать то, что всё равно неизбежно? Скрепим союз. Сейчас.

Он сам не понял — это был приказ или предупреждение.

Его глаза стали холодными, как полированный стальной клинок. На скулах заходили желваки. Он злился. Не на неё — на себя. Он ведь хотел быть терпеливым. Ещё до свадьбы говорил себе: даст ей время привыкнуть, приглядеться, понять, с кем имеет дело.

А потом всё рухнуло. Стоило ей появиться вечером на пиру — и он потерял самообладание.

Как только они вышли из-за пиршественного стола, он сорвался. Поспешил. Повёл себя не как хан, а как мальчишка, увидевший игрушку и сразу захотевший ею завладеть. Моя. Никому не отдам.

«Вот же шайтан!» — в сердцах выругался про себя сын Кагана. Он сам себя не узнавал.

Он пытался заставить себя поверить: «Она такая же. Такая же, как остальные».

Он смотрел в её ясные глаза, обрамлённые длинными ресницами, но взгляд снова и снова возвращался к её губам — сочным, пухлым, будто созданным для поцелуев. Хотелось коснуться их, узнать, какие они на ощупь: тёплые ли, мягкие ли. В ней была обманчивая, почти фарфоровая хрупкость, но за этой хрупкостью он чувствовал жар налитого, упругого, женственного тела.

И в нём уже поднималась буря. Стихия, которую, как он начал подозревать, утолить сможет только она сама.

Но вслух он сказал другое:

— Ну, давай посмотрим, что мне передали.

Принцесса замерла всего на миг, но он всё равно уловил её короткий, почти неслышный вдох — будто он оскорбил её тем, что говорил о ней как о вещи: ценной и редкой, но всё же вещи.

Но ему — наследному хану — было всё равно. По крайней мере, он изо всех сил пытался убедить себя в этом.

Она быстро опустила глаза, чтобы спрятать вспыхнувшие

на лице страх и растерянность, а потом медленно подняла взгляд, наблюдая за ним из-под ресниц. И стояла прямо. Без движения.

Как будто это не он приказывал, а она — позволяла.

Хан подошёл ближе. Почти вплотную. Его шаги были беззвучны — как у хищника, подкрадывающегося к добыче. Он поднял руку — неторопливо, с ленивой грацией. Пальцы сомкнулись на тонкой ткани, скрывавшей её грудь.

Полупрозрачный шёлк, расшитый цветами сливы и нитями цвета нефрита, дрогнул под его пальцами.

А потом — резкий рывок. Раздался хруст, и ткань соскользнула с её плеч, тяжело собравшись у запястий. Шёлк лёг на кожу, как кандалы. Она не дрогнула, не отступила, только тело предавало её: грудная клетка вздымалась слишком часто, а подбородок едва заметно подрагивал.

И всё же лицо её оставалось непроницаемым.

Она не заслонила, не отвернулась, только сжала кулаки и крепче стиснула зубы, и устояла. Когда-то она стыдилась собственного тела, избегала зеркал и ненавидела то, что видела в отражении: слишком полную грудь, округлые бёдра и тонкую талию. Слишком женственную.

Но Ма Суань — наставница, наложница в прошлом — однажды сказала: «Такая грудь делает мужчину беспомощным. Это не слабость, госпожа. Это — оружие». И Ли Юн запомнила. С того дня она училась владеть телом, как мечом.

Сейчас она видела: он смотрит и не может отвести глаз.

Смотрит дольше, чем хотел бы, — и это она тоже запомнила.

Не ей надо было стыдиться, а ему — тому, кто до этого мгновения не видел в ней женщину. Только трофей. Добычу.

Они стояли друг напротив друга.

Она — юная и красивая. Обнажённая до пояса, но не сломленная. Он — хищник, у которого впервые дрогнули пальцы.

И тогда она снова вспомнила слова Ма Суань: «Мужчина — это лук. Натянешь слишком туго — сломается. Слабо — не выстрелит. Но если поймашь нужное напряжение твоя стрела попадёт точно в цель». Она видела, как его взгляд потемнел — тяжёлый, сосредоточенный. Рука потянулась к ней. Он хотел дотронуться до её груди.

Она приготовилась к грубости, к боли.

Но его пальцы дрогнули. Хан сжал кулаки. Костяшки побелели. Он хотел что-то сказать или сделать. Но не сделал.

— Брачная ночь окончена, — глухо бросил он. — Тебе принесут одежду взамен испорченной.

Он резко развернулся и вышел. Полог шатра колыхнулся и упал, как занавес.

Тишина.

Ли Юн не шевелилась. Только спустя несколько долгих ударов сердца — выдохнула. Одна-единственная слеза скатилась по её щеке — тёплая, но не жалобная. Её мысли были холодны и чётки.

Она не проиграла. Нет.

«Ты должна быть ветром, Юн, — говорила Ма Суань. — Не стеной. Не огнём. Ветер пронзает — и остаётся в груди».

Она станет для него ветром. Ветром степи. Он не заметит, как начнёт искать её глазами. Она перестанет спать спокойно, будет видеть её во сне. Он запомнит эту ночь.

И с неё начнётся путь Ли Юн.

К его сердцу.

К месту, которое она займёт — в его жизни. В его душе.

Месту, достойному принцессы.

Глава 1

Хоугун (внутренний дворец — резиденция жён и наложниц императора). Империя Тан. Лето 735 года.

Она никогда не забудет свой последний день в дворце. Тени фонарей дрожали на стенах.

Когда она сбегала от нянек, то всегда бежала к маме. Мама пахла сладко, как цветы сливы, а её мягкие руки всегда находили лицо доченьки, скользили по волосам, и весь мир становился светлее.

Вот и сегодня она сбежала, чтобы разузнать, как поправляется мамочка. Она кралась босиком, скользя вдоль стен, прячась за высокими ширмами, за массивными колоннами с драконьими головами. Её сердце билось так громко, что, казалось, его услышат.

Но она всё равно шла.

Она не должна была быть здесь. В комнате сегодня пахло по-другому. Горьким. Кислым. Чем-то неправильным. Но мама обрадовалась, когда увидела её – в её глазах промелькнула слабая искра жизни.

И только когда раздалися шаги в коридоре, мама кивнула ей на ширму.

Ли Юн замерла за высокой перегородкой, стараясь не дышать, не шевелиться, не выдать себя даже вздохом. Она знала, что её ищут. Но никто не догадается искать здесь – в по-

следнем месте, куда ей бы разрешили ступить.

Вошёл Он.

Она видела его со спины. Его тёмные одежды с вышитыми золотыми драконами отражали свет фонаря. Видела его руки — длинные, с тонкими, сильными пальцами.

Она не видела его лица, но видела лицо мамы. И слезу, скатившуюся по её щеке.

— Её достанут, — прошептала мама. — Если не сейчас, то позже. Спаси её!

Он молчал.

Девочка не понимала, почему.

Почему он не берёт её маму за руку, не склоняется ближе, не шепчет ей слова утешения?

— Я отправлю её.

Его голос прозвучал спокойно. Отстранённо.

— Как далеко?

Она вдруг закашлялась.

Император не дёрнулся, но девочка видела, как его пальцы сжались в кулак.

— На границу.

— С кем?

Пауза.

— С Лянь Чжи.

Она не знала, кто это.

Но её мама знала.

Она вдруг слабо улыбнулась.

Слабо.

Но Ли Юн видела, как уголки её губ дрогнули, а на лбу разгладились морщинки.

— Значит, ты всё-таки пытаешься её уберечь.

Он не ответил.

Только склонил голову и едва заметно провёл ладонью по маминому лицу.

— Я не уберёг тебя. Должен был отправить вас раньше.

Она только улыбнулась.

И сказала едва слышно:

— Поздно.

Он не стал спорить.

Но в этот момент девочка больше не слышала их слов.

Она смотрела только на него.

И когда он развернулся, она увидела его лицо.

Без эмоций.

Словно выточенное из белого нефрита — холодное, гладкое, непроницаемое.

Лицо императора. Её отца.

После его ухода, она осталась у мамы, слушая её надрывный кашель. Шёпот слуг. Её собственный голос, поющий, чтобы успокоить ту, кто был центром её мира.

А потом раздались шаги.

Тяжёлые. Не принадлежащие никому из дворцовых женщин. Императорская гвардия. Они схватили девочку и потащили на выход.

— Вы не можете! Я не оставлю маму!

— Твоя мать, — раздался голос, — отсылает тебя.

— Это ложь!

Но её не слушали.

Она царапалась, кусалась, кричала.

Её подхватили и унесли. Она всё ещё слышала мамин кашель.

Но теперь он остался там, позади.

И тогда она закричала ещё громче.

Когда её забросили в седло, она пыталась соскользнуть, но чьи-то руки крепко удерживали.

— Ради своей матери — веди себя достойно.

Она повернулась.

Перед ней стояла женщина в охотничьем кафтане, пережваченном поясом с бронзовыми застёжками. Её тёмные волосы были собраны под головную повязку, а на запястьях были защитные накладки для стрельбы из лука.

Она не выглядела слугой.

И даже не наложницей.

Кто она?

— Ты не имеешь права говорить о ней!

Женщина только кивнула в сторону дороги.

— Скоро поймёшь.

Ли Юн не хотела понимать.

Она не знала, кто эта женщина.

Но возненавидела её с первой секунды.

— Я не поеду!

— Ты поедешь.

Женщина села в седло позади Ли Юн и повернулась к наездникам.

— Трогай.

И её увезли в ночь.

Лошади двигались ровным шагом, колёса повозки тихо скрипели по утрамбованной дороге, которая тянулась лентой через холмы, теряясь в предрассветном тумане. Утренний ветер, ещё прохладный, но уже несущий в себе обещание жары, играл складками дорожного плаща Ли Юн, взъерошивал выбившиеся из-под заколок пряди.

Ли Юн не разговаривала.

За последние несколько дней она перестала кричать, требовать вернуть её обратно, кусаться и царапаться.

Теперь она молчала. Не потому, что смирилась, а потому что думала, как сбежать.

Она сидела в седле — не потому, что хотела, а потому, что каждый раз, когда она соскальзывала на землю, её усаживали обратно.

Она не смотрела на Лянь Чжи.

Но чувствовала её.

Та всегда была рядом, всегда замечала, когда она хотела спешиться, сбежать, свернуть не туда.

Она ничего не говорила, не заставляла, не убеждала.

Просто была там, где надо, чтобы не оставить ей выбора.

Костры уже разгорелись, поднимая в небо дым, смешанный с запахом жареного мяса и горьких трав. Вокруг суетились торговцы, кочевники, стражники каравана. Люди развязывали тюки с поклажей, натягивали войлочные навесы, защищая груз от ночной влаги.

Ли Юн не двигалась. Кто эти люди?

— Смотри внимательно, — сказала Лянь Чжи, останавливаясь рядом, наклоняясь и нашептывая ей на ухо. — Это твоё будущее.

Ли Юн подняла глаза.

Мужчины в длинных шёлковых одеяниях с расшитыми поясами. Их бороды аккуратно подстрижены, руки унизаны перстнями, а улыбки хитрые.

— Согдийцы. Они не просто торговцы. Они хозяева дорог. Их купцы идут из Самарканда в Китай, из Китая в Персию. Всё, что продаётся в Чанъане, когда-то прошло через их руки.

— Чем это пахнет?

— Баранина с тмином. Согдийцы везут специи, ткани, рецепты и даже музыку. Они чужаки везде, но умудряются быть своими всюду.

Группа широкоплечих мужчин в кожаных доспехах у костра. Они не смеялись, не торговались, не спорили громко. Просто молча точили ножи, не глядя на лезвие.

— Тюрки?

Лянь Чжи кивнула.

— Но мы же тоже тюрки?

Она хмыкнула.

— Ты всю жизнь провела во дворце. Ты когда-нибудь чувствовала себя частью их? Тебя наряжали в шелка, учили каллиграфии, поили миндальным молоком. Ты сидела под фонарями из нефрита, пока слуги приносили тебе горячий чай. Разве ты когда-то смотрела в их сторону — на тех, кто охранял дворец, кто скакал по степи и умирал на границах? Когда-то наши народы говорили на одном языке. Но Китай пошёл своим путём. Мы строили города, писали стихи, создавали законы. А тюрки... они остались в своих юртах, с мечами и конями.

Ли Юн почувствовала, как в груди что-то сжалось.

— Для императора тюрки всегда были и остаются варварами. Они — не друзья, а инструмент. Союз с ними заключают не из уважения, а из необходимости. Сегодня они полезны — завтра опасны. Пока тюрки сражаются за Китай — они союзники. Перестанут — снова станут угрозой.

Она не думала об этом. Никогда не думала.

Она была китайской принцессой.

На третью ночь в лагерь прибыл гонец.

Он говорил тихо. Лянь Чжи молча его выслушала, а затем подошла к ней. Ли Юн почувствовала, как что-то изменилось.

— Твоя мать умерла.

Мир исчез.

Ли Юн смотрела в её лицо, но не видела его.

— Ты врёшь.

— Нет.

Воздуха не хватало. Не может быть. Она начала задыхаться, руки дрожали. А потом она бросилась к Лянь Чжи, вцепилась в её руки и разрыдалась.

Лянь Чжи не отстранилась, не оттолкнула её, но и не обняла.

Она просто позволила ей плакать.

Через полчаса она резко встряхнула её за плечи.

— Не реви. И больше не убегай.

Ли Юн вскинула на неё глаза, полные боли и злости.

— Ты хочешь, чтобы её смерть была напрасной?

Сердце остановилось.

— Что?!

Ли Юн не понимала.

— Она знала, что никакая это не болезнь. Знала, что её отравили. Поэтому и попросила императора отправить тебя подальше, чтобы ты выжила.

Где-то громко затрещал костёр.

Ли Юн не знала, что делать.

Она была здесь.

А мама там, вдалеке, в холодных стенах дворца. Но уже мертва.

— Если ты сейчас вернёшься, — голос Лянь Чжи был твёрдым, — значит, Небеса ошиблись, когда дали тебе ещё

один шанс.

Ли Юн не ответила.

Она смотрела в ночь. Слезы высохли.

Плакать больше было не за чем. Не о ком.

Она коротко кивнула Лянь Чжи:

— Я больше не буду убегать.

Внутри прозвучало тихо, как клятва: «Выживу. Ради них: матери, что дала мне жизнь, и женщины, что спасает меня сейчас, рискуя собой.»

Глава 2

Гарнизон в окрестностях перевала Юймэньгуань. Приграничные степи северо-запада. Империя Тан. Лето 745 года.

Ветер степи никогда не стихал. Он шептал, гнал, срывал мысли, уносил прошлое. Ли Юн подросла. Стала выше, ловчее, сильнее. Она мчалась по степи, чувствуя, как напрягается спина коня, как шелковые рукава её тени развеваются за спиной. Лёгкое охотничье платье, сшитое для верховой езды, не путалось в стремянах, а узкие штаны позволяли легко держаться в седле.

Её длинные чёрные волосы, заплетённые в тугую косу, развевались позади. Выбившиеся пряди цеплялись за губы, щекотали щёки светлой, почти фарфоровой кожи.

Она не смотрела вперёд, не думала о расстоянии до мишени.

Её тело знало, когда натянуть тетиву, когда выдохнуть, когда отпустить стрелу.

Щелчок.

Мгновение спустя раздался глухой удар – стрела вонзилась в цель.

Конь резко ушёл в сторону, но Ли Юн не потеряла равновесия.

— Достаточно!

Она натянула поводья, заставляя коня замереть. Впереди,

у насыпи, высились фигуры наставницы и двух лучников.

Лянь Чжи не выражала эмоций.

— Лучше, чем вчера.

И всё?

Сердце Ли Юн билось бешено, но не от усталости. Вот уже десять лет её готовят.

Её, ненужную принцессу. Она сидела над свитками, выводя каллиграфией стихи.

Учителем языка был строгий, молчаливый господин Чэнь — мужчина с проседью на висках и вечно нахмуренным лбом, окружённый запыленными картами и свитками в потёртых кожаных переплётах. Он не терпел ошибок.

— Если ты скажешь “вода” на языке карлуков — уйгур не даст тебе пить, он вытащит меч.

Он заставлял Ли Юн раз за разом повторять слова, пока язык не становился частью дыхания — уйгурский, древнетюркский, язык согдийских торговцев, иранских караванщиков. После плавности китайской речи, похожей на журчание ручья, эти резкие, гортанные наречия казались грубыми, чужими — словно камни, набившиеся в рот.

— Ты будешь среди них чужой. Язык — первое оружие. И последнее спасение. Чем дольше враг не догадывается, что ты его понимаешь — тем выше твой шанс выжить.

Он учил не просто понимать, а улавливать интонации, наблюдать за лицами, угадывать скрытое за словами.

Был целитель Бо Лао — слепой на один глаз, с вечно пах-

нущими полынью руками. Он учил Ли Юн не только распознавать травы, варить отвары и снимать жар. Его уроки начинались с простого: как промыть рану, остановить кровь, вытянуть стрелу, не повредив артерию.

Потом — сложнее: как прижигать раны каленым железом, как вправлять вывихи, как зашивать разрывы на живой плоти. Бо Лао показывал, как связать шину из палок и ремня, как уложить воина при переломе позвоночника, как различить гнойное воспаление и простую лихорадку. Он учил, что главное — руки, глаза и слух. Смотри. Чувствуй. Слушай дыхание, наблюдай за кожей, улавливай признаки боли.

Но в его списке уроков были и те, что он проговаривал почти шёпотом. Травы, от которых темнели зрачки, выпадали зубы и волосы, а кожа становилась жёлтой, как старая бумага. Корни, вызывающие судороги. Порошки, что сжигали изнутри.

А потом, когда Ли Юн задавала вопросы, он перечислял противоядия и рецепты: отвары, вызывающие рвоту — чтобы вытолкнуть яд, пока он не проник слишком глубоко. Настои, снимающие отёк языка. Имбирь — чтобы вытянуть отраву из желудка. Гуанчжун — для очищения. Листья лотоса — для тех, кто уже задыхается.

Бо Лао не спрашивал, зачем Ли Юн всё это так тщательно запоминает. Но видел, как внимательно она слушает. Она не говорила, почему. Но каждый раз, когда он доставал мешочек с «травками для крайних случаев», она вспоминала тот

горький, кислый, неправильный запах в покоях матери и её предсмертный шёпот — "её достанут".

Поэтому она училась. Спокойно. Упорно. Готовилась к тому, что рано или поздно её снова призовут во дворец. И в тот день она не будет беспомощной.

Бо Лао говорил, что хорошая целительница должна быть одновременно быстрой и безжалостной. Потому что на войне нет времени на страх.

Для Ли Юн целительство было страшнее, чем каллиграфия и поэзия. Но она училась. Стиснув зубы, глядя, как кровь капает на ткань. Потому что знала: если однажды случится беда — она должна будет не растеряться, а спасти. Если не хочет потерять. Тех, кого любит. Тех, кого однажды придётся спасать. Потому что в её жизни уже была невосполнимая потеря. И хватит.

Был и седовласый чиновник Хуань Дэ, когда-то — инспектор городского рынка. Он объяснял ей, как устроены пошлины, как мыслят купцы, как отличить честного торговца от мошенника, как услышать правду и не попасть в ловушку. Эти уроки Ли Юн нравились. Здесь всё подчинялось логике. Цены, проценты, вес серебра, маршруты караванов, сезонные колебания спроса — всё это складывалось в чёткую, понятную картину. Она училась торговаться, заключать выгодные сделки, просчитывать ходы, убытки и выгоду. Не тело, не красота, не угождение будущему нелюбимому мужу или хозяину — а ум.

Все эти уроки, учителя, всё это — не было случайностью. Всё — по воле Лянь Чжи. Или по воле самого императора?

Лянь Чжи молчала об этом. Никогда не говорила прямо. Но однажды, когда Ли Юн, будучи ещё подростком, в ярости кричала, что не хочет быть разменной монетой, что не желает покидать страну и выходить за незнакомца по приказу, Лянь Чжи посмотрела на неё долгим спокойным взглядом. А потом сказала тихо, без гнева, без укора:

— Лучше быть чужой женой, чем мёртвой дочерью императора.

И с тех пор Ли Юн больше не спорила. Молча училась.

Хоть и не все уроки ей нравились.

Она не любила стрельбу из лука, но с удовольствием садилась в седло. Обожала коней — тёплых, живых, с мокрыми мордами и горячим дыханием. Любила утреннюю прохладу над степью, когда трава ещё блестела росой, а горизонт был чистым и светлым, как лист рисовой бумаги — тонкой, гладкой, почти прозрачной.

Любила простор. Тишину. Свободу, которую давала жизнь вне дворцовых стен.

Но больше всего Ли Юн не любила уроки соблазнения с Ма Суань — женской наставницей, появившейся в её жизни два года назад.

Та учила её искусству прикосновений и медленного взгляда. Обучала тому, как склонять голову, как прикусывать гу-

бу, как улыбаться так, чтобы мужчина чувствовал себя властелином мира.

Ма Суань одевала её в роскошные одежды, что привезла с собой из дворца, — лёгкие, прозрачные, расшитые шелка с подвесками из нефрита, янтаря и голубого агата, тихо звенящими при каждом шаге. Она натирала её тело ароматными маслами — сандаловым, лotosовым, коричневым — так, чтобы запах оставался на коже до заката. Выщипывала тонкие волоски над лбом и на шее, промывала руки рисовым отваром, отбеливала лицо пудрой из жемчужной муки и наносила на губы настой из лепестков пиона.

— Принцесса должна сиять, как полная луна, — шептала она, наклоняясь к её уху. — И быть такой же недосыгаемой.

Каждое утро начиналось с ритуала: шёлковая одежда, осанка, отрепетированная улыбка. Ли Юн училась не просто ходить, а скользить — так, чтобы не шелестели юбки и не было слышно шагов. Она учила Ли Юн искусству быть незаметной, но незабываемой. Искусству быть украшением. Заставляла быть безупречной принцессой. Фарфоровой фигуркой. Тонкой. Нежной. С плавными движениями и смиренным взглядом.

«Женщина, как река, должна течь плавно. Если она прерывается — мужчина теряет к ней интерес», — шептала Ма Суань, затягивая пояс на её талии.

Ли Юн слушала. Молчала. Смотрела в зеркало на отражение, которое всё меньше напоминало её саму. Какую судьбу

уготовил ей отец и его советники? Быть наложницей? Женой? Всего лишь пешкой в политической игре великой Поднебесной?

Но больше всего в памяти остался тот день, когда наставница принесла тяжёлый свиток, свернутый в плотную трубку, в котором было сокрыто самое запретное таинство — соединение мужского и женского тел.

Ли Юн, затаив дыхание, развернула его, и перед глазами принцессы появился изящный рисунок: мужчина и женщина в объятиях, их тела касались друг друга с нежной естественностью. Мужчина был обнажён, его кожа мягко светилась в полумраке, а между бёдер вздымался предмет странной формы — округлый у основания, с вытянутым, налитым концом, отдалённо напоминавший цветочный бутон, готовый раскрыться.

Наставница говорила тихо, словно боясь спугнуть:

— Когда приходит весна, дракон просыпается. Его нефритовый стержень наполняется жизнью. Он твёрд и горяч, как пробудившееся под солнцем дерево. Не бойся его. Это знак, что мужчина готов дарить тебе силу Янь.

В эту ночь ты — как цветок, что раскроет лепестки. Позволь дракону войти в озеро без страха. Твоя нежность — его путь. Твоё дыхание — его ветер. Если почувствуешь боль — не сжимайся. Откройся ему, как лотос открывается дождю.

Наставница взяла в руки маленькую шёлковую подушку, где была вышита сцена с двумя переплетёнными цветами.

— Тело мужчины — сильное, но не грубое. Его нефрит мягче, чем кажется, если ты примешь его с доверием. Сначала он тяжелеет, поднимается вверх, как напоённая влагой ветка Тебе нужно быть лишь тёплой землёй для его корней.

Она коснулась кистью центра вышивки, где один цветок входил в чашу другого.

— Помни: дыхание, терпение. Всё остальное подскажет природа.

Принцесса сидела, затаив дыхание, краснея под тонкой вуалью. Но в её сердце расцветал странный трепет — между страхом и чем-то ещё неизвестным и сладким, как первый порыв весеннего ветра.

Лянь Чжи, однако, не позволяла ей предаваться мечтам. Наставница говорила прямо, без прикрас, готовя её ко всему — и телом, и разумом. Она учила не мечтать, а выживать. День за днём наставница вбивала в голову одну простую истину: справиться можно с чем угодно, если не позволять себе сломаться.

Именно от неё Ли Юн впервые услышала — не сказку, не выдумку, а правду. О том, кем была её мать. Что с ней сделали.

Мать Ли Юн была выкупом. Наложница императора — красивая, воспитанная, родом с юга, как говорили, «подаренная во время мирных переговоров». Её привезли во дворец, как редкий цветок. А потом забыли. До тех пор, пока она не родила дочь. Это сделало её опасной. Она не была

женой, но дала императору наследницу. Слишком красивую, чтобы остаться незамеченной.

Шансов изменить свою судьбу не было. Ни у матери. Ни у неё.

Или всё-таки был?

Ли Юн не надеялась — училась. Упрямо. Без истерик. Но с отчаянной решимостью. Через пот, кровь и боль, тратя часы на изучение языков, торгового дела и искусства соблазнения — она пыталась увеличить свои шансы выжить.

Она вернулась с тренировки и, не раздеваясь, опустилась на циновку. Кожа на ладонях жгла от ссадин, плечи ныли. Но боль была привычной. Почти утешительной.

Лянь Чжи вошла бесшумно, как всегда. Сняла дорожную накидку. В руках — свиток с красной сургучной печатью. Ли Юн сразу почувствовала: что-то не так.

Наставница молчала. Долго. Потом положила свиток перед ней прямо на циновку.

— Из дворца.

Ли Юн не пошевелилась.

— Прочти, — добавила Лянь Чжи. — Это касается тебя.

Печать была подлинной, с символом дракона. Ли Юн сломала сургуч. Развернула. Прочла первые строки. А потом — снова. И снова. Как будто пыталась найти другой смысл между строк.

Молча положила свиток рядом.

— Он нашёл мне мужа.

Лянь Чжи не стала отрицать. Только села напротив. Ровно. Как всегда.

— Ты знала, что этот день придёт.

— Да.

Тишина.

Ли Юн опустила голову — но не в покорности. Просто потому, что иначе не могла. Грудь сдавило. Как в тот день. Когда ушёл запах сливы, а её утащили в степь.

— Хан, — проговорила она наконец. — Кто он?

— Баянчур. Сын Элетмиша Бильге-кагана.

— Он... стар?

— Нет. Наследник. Его отец — союзник Поднебесной.

Союз нужно скрепить.

Ли Юн не ответила. Лянь Чжи подалась вперёд и тихо добавила:

— Ты готовилась к этому всю жизнь. Это не приговор. Это — твой шанс.

— Шанс стать чужой вещью?

— Шанс стать кем-то. Там, где женщины садятся в седло, а не на колени. Где не нужно быть фарфоровой куклой под нефритовым колпаком. Там, где можно выжить — и победить.

Ли Юн молчала. Ветер за ставнями выл, как в ту самую ночь.

— Сколько осталось? — спросила она наконец.

— Семь дней.

Она кивнула.

Семь дней — на прощание с прежней жизнью. И дорога. Туда, где её ждёт чужой народ, суровый степной ветер, холод юрт, непонимающие взгляды — и мужчина, которого она должна будет назвать мужем.

Впереди — ночь. И новая глава.

Глава 3

Южные земли Бесступной долины. Пограничье Уйгурского каганата. Весна 745 года.

Пыль висела в воздухе стеной, застилая горизонт. Она смешивалась с ржанием лошадей, криками и лязгом стали. Баянчур — хан и наследник кагана — гнал своего коня по левому флангу, где карлукские всадники рвались к обозу. Он сжал коленями бока горячей кобылы, рванул поводья вбок и выхватил саблю. Изогнутое лезвие, привычное кочевому воину, было создано для боя в седле — лёгкое, гибкое, идеально сбалансированное. Оно срывалось в удар, рассекало плоть и возвращалось без помех, не застревая в теле.

Кобыла, натренированная реагировать на малейшее движение всадника, уже в пене, сделала резкий поворот, уходя от выпада копья. Баянчур пригнулся, и в следующий миг его сабля описала дугу — рассекла плечо противника и вырвалась обратно, оставив за собой хрип, кровь, вырывающуюся толчками, и безвольно оседающую в седле фигуру.

Слева мелькнула синяя уздечка — один из его личных телохранителей — юный Таскиль — сражался молча, точно и безжалостно, вырезая врагов. Уйгурские воины держались плотным строем, прикрывая обозы и тылы, защищая караваны и раненых. Но враг давил.

Карлуки, ещё недавно союзники, теперь — предатели.

Они объединились с остатками басмалов и кочевыми шайками, чтобы вернуть земли, когда-то считавшиеся их. Пока Элетмиш Бильге-каган вёл сложные переговоры с Поднебесной, на юго-западе вспыхнуло восстание.

И этот огонь приехал тушить Баянчур.

Сегодня он был здесь не как наследник трона, а как воин. Пыль въелась в кожу, волосы прилипли к вискам. Никаких шелков, никакого золота — только кожа, металл и бешеная ярость против тех, кто осмелился бросить вызов каганату. Он знал, что на него смотрят. Не как на сына правителя — как на командира. Те, кто прошёл с ним путь в походах и стычках, ждали не громких слов, а правильного приказа. И он не собирался их подводить.

Карлуки бились яростно, но их группы были разрозненными, плохо скоординированными. Уйгурская конница шла клином, врубаясь во фланг, дробя ряды и оставляя после себя только пыль, кровь и агонизирующие тела.

Когда завеса пыли чуть рассеялась, Баянчур увидел: центр дрогнул.

— Сейчас! — рявкнул он, вскидывая саблю. Его голос прорезал грохот битвы.

Воины откликнулись мгновенно. Конница рванулась вперёд. Последний рывок. Металл впивался в плоть. Копыта взрывали землю. В воздухе пахло кровью. Барабаны гремели, гортанные крики перекрывали стоны раненых. Противник не выдержал.

Резкий, надломленный звук рога — сигнал к отступлению. Карлуки бежали, бросив знамёна, трупы и раненых. Последних добивали без слов, как было принято в степи: раненый враг мог встать, если дать ему время.

Победа не была решающей, но стала важной и показательной. Уроком для врагов, напоминанием для союзников. Это уже третье сражение за последние две недели, и уйгурские силы удержали все ключевые рубежи. Карлукская угроза откатилась на запад. Баянчур снял шлем и провёл рукой по мокрому лицу. Пыль смешалась с потом, делая кожу шершавой.

Степной ветер налетел с юга — горячий, пыльный. Словно напоминание: это ещё не конец.

Он взглянул вдаль. Пора в ставку. К отцу. Узнать, что решили в Поднебесной, и доложить о победе.

Ставка Кагана, близ Орду-Балька. Через два дня после последнего сражения с карлуками. Весна 745 года.

Тяжёлый ритм барабанов возвестил о приближении победителей. Знамёна колыхались на ветру, вырезанные из плотной шерсти и украшенные символами рода. Воины выстроились вдоль дороги к ставке, расступаясь перед сыном Кагана. Они уважали его не потому, что он — наследный сын кагана, а за то, что он храбрый воин и мудрый полководец, не раз доказавший своё право вести их в бой.

Баянчур въехал в лагерь неспешно. Он не любил триумфов. Пыль ещё не выветрилась из волос, а кровь врага ещё

не вычищена с кожаных налокотников.

Перед шатром Кагана стоял правитель земель — Элетмиш Бильге. Властный, мощный и крепкий несмотря на возраст. Его седые волосы были перевязаны шёлковой лентой, а на груди — застёжка с символом каганата. Он не улыбался, но, когда сын спешился, шагнул вперёд и хлопнул его по плечу, выказывая одобрение.

— Хорошо сражался, — сказал он коротко. — Говорят, вы отбросили их далеко на запад и изрядно проредили их ряды.

Баянчур кивнул. Он не нуждался в длинных хвалебных речах. Он выполнил свой воинский долг. Они вошли внутрь шатра. Подношения, вино, кумыс, блюда из жареного мяса. Окружение Кагана уже собралось — советники, жрецы, вожди кланов. Все хотели видеть героя.

Элетмиш поднялся:

— Сегодня мы празднуем не только победу моего сына, но и союз с Поднебесной.

Он бросил взгляд в сторону сына:

— Император Тан согласился выдать свою дочь за моего сына — наследного хана Баянчура. Через три луны к нам прибудет принцесса.

Среди воинов зазвучал одобрителный ропот. Китайское родство — это золото, шёлк, дороги, дипломатия. Уйгуры понимали, что это — знак силы. Баянчур стоял, не выказывая ни радости, ни гнева. Он склонил голову — как положе-

но. Но его острый взгляд впился в лицо отца.

Только когда шатёр опустел, и их осталось только двое, он повернулся к отцу. В его глазах бушевал шторм:

— Меня даже не спросили.

Элетмиш Бильге-каган сидел на ковре перед жаровнёй, разбирая карты караванных путей и даже не поднял взгляд на сына.

— Не было нужды, — спокойно ответил Каган. — Это твой долг.

— Не успел сменить кольчугу, а уже потерял свободу. Жена мне не нужна.

— Она нужна не тебе, а каганату. Ты — мой наследник. Ты будешь каганом. А каган не может выбирать, с кем спать. Он выбирает, с кем заключать союз, чтобы удержать степь в своих руках.

Элетмиш наконец поднял голову. Его взгляд был тяжёлым.

— Танская империя держится на волоске. Восстания на юго-западе, дунхуанский перевал нестабилен, а император окружён жадными вельможами. Он боится. И, как всегда, хочет купить верность шёлком и женщинами.

— Так пусть покупает, — бросил Баянчур. — Но не меня.

— Он просил гарантии. Он не верит словам. А нам — Каган ткнул пальцем в карту. — Нам нужны торговые пути, металл и зерно. Если ты женишься на его дочери, он не посмеет нарушить союз, пока его плоть и кровь сидит у нас в шатре.

— Или мы, — медленно произнёс Баянчур, — окажемся связаны с его падением. Если его свергнут, мы окажемся втянутыми в чужую войну.

Каган кивнул. — Возможно. Поэтому мы не должны этого допустить.

— Ты не оставляешь мне выбора, — тихо сказал Баянчур.

— У воина есть выбор: сражаться или нет и какому клану служить. — ответил Каган. — У хана — нет. У хана есть только обязанность перед его народом.

Баянчур молчал. В его груди тлела злость. Он знал, что отец прав. Но и себя он тоже знал.

— Я соглашусь. Ради каганата, — наконец сказал он. — Но не жди, что я приму её. Да и народ вряд ли встретит её с распростёртыми объятиями.

Элетмиш усмехнулся, но улыбка не затронула его глаз.

— Знаю.

Он на мгновение замолчал, а потом тихо добавил:

— Но ты сделаешь то, что должен. Это и есть зрелость.

— Зрелость, — хмыкнул Баянчур, — когда ты уже не волен распоряжаться собой.

— Добро пожаловать во власть, сын.

Глава 4

Личный шатёр Баянчура. Ставка Уйгурского Каганата. Весна 745 года.

Ночь в степи — не тишина. Это шорохи, крики ночных птиц, вой ветра, лязг оружия и негромкие переклички часовых. Но в этом шуме был покой — живой, полный смысла. Такие ночи Баянчур любил. Они напоминали, ради чего проливается кровь: ради этих редких мгновений, когда вокруг мирная степь, чистое небо, а его народ спит спокойно.

Хан отбросил занавесь шатра и вошёл внутрь. От него пахло конским потом, кумысом и кровью. Он снял сапоги, скинул пропылённую, тяжёлую одежду и шагнул к деревянной бадье у очага — широкому сосуду, наполненному подогретой водой с отваром горьких трав.

Рядом уже лежала свежая холстина и меховая щётка. Баянчур опустил руки в воду, зачерпнул и с шумом плеснул себе на лицо и грудь. Вода была горячей, с лёгким ароматом полыни и багульника. Она обжигала свежие царапины, но смывала пыль, кровь и усталость.

Он намочил щётку, провёл по плечам, по шее, по предплечьям — с нажимом, как будто сдирал с себя не грязь, а мысли. Под загорелой кожей перекатывались плотные мускулы, всё ещё напряжённые после боёв. Тело степного воина было сильным и поджарым. Руки знали тяжесть сабли и щита,

спина — вес раненых товарищей, ноги — рваный ритм бесконечных походов, когда день за днём всё, что у тебя есть, — это седло, пыль и твоя сила воли. Баянчур был не украшением трона, а воином. Мужчиной, которого уважают не за титул, а за то, что он храбро идёт первым в бой.

Кожа покраснела. Вода в бадье потемнела. Омовение у кочевников не было ритуалом, как в Поднебесной. Это была необходимость. После боя мылись обязательно — чтобы смыть пыль, грязь, пот и чужую кровь. Оставь на теле хоть одну неочищенную царапину — загноится. А гниющая рана в походе — это уже не просто боль. Это слабость. А слабость в степи смертельно опасна.

Баянчур обтёрся куском плотной ткани и расправил широкие плечи. Штаны из плотной шерсти и сменная рубаха — грубая, из отбеленного войлока — уже ждали на сундуке. Он накинул её, и ткань на миг прилипла к горячей коже. Подхватив бадью, он подошёл к выходу из шатра. Наклонился и вылил тёмную воду в углубление у порога. Зола и земля жадно приняли её — без остатка. Как степь принимает кровь павших.

Вернувшись в шатёр, он сел у очага. Пар от горячих камней поднимался вверх, смягчая дыхание и заполняя пространство влажным теплом. Обычно он любил этот момент — короткий покой после сражения, когда отдыхают тело и разум. Но не сегодня. Сегодня в голове роились мысли — тяжёлые, навязчивые, невесёлые.

— Повелитель не спит? — раздался голос у входа.

Он подошёл к выходу и откинул полог.

Две девушки стояли в проёме шатра. Их наряды были богато украшены вышивкой и бронзовыми подвесками, а тонкие косы, переплетённые шёлковыми лентами, мягко касались плеч. Обе — дочери знатных уйгурских родов, выросшие при ставке Кагана. Высокая и длинноногая Басар. Она была старшей дочерью рода баргу — потомков прославленных воинов. И её подруга Гизем — младшая дочь советника Кюль-Тегина — влиятельного рода торговцев и старейшин.

Они склонили головы в знак уважения.

— Хан вернулся с победой, — мягко сказала одна из них, — и без награды?

— Может, мы поможем забыть пыль дороги и жар битвы? — добавила вторая, едва касаясь груди тонкими пальцами.

В их народе женщины могли сами выбирать, с кем провести ночь. И он тоже мог — принять или отказать. Мог сослаться на усталость. Или мягко отказать — без объяснений и без последствий.

Но внутри всё кипело.

Он знал, что согласился правильно — на этот союз, на женитьбу. Знал, что будет каганом, и понимал, что для него долг должен быть превыше личного желания. Но сейчас он просто хотел отвлечься. Хотел забыться хоть на миг. Главное — не нажить себе новых проблем. Он был не просто ханом. Он был наследным сыном Кагана. Любая его слабость могла

стать оружием против него.

— Ни обещаний. Ни калыма, — сказал он глухо. — Только эта ночь.

— Мы и не ждём большего, — ответили они в один голос. Занавесь за его спиной опустилась, отсекая посторонние звуки. Огонь в жаровне дрогнул. Тени скользнули по стенам.

Он вальяжно опустился на низкий тюфяк у очага — с меховой подстилкой и расшитым войлоком — и молча ждал. Тело ещё дрожало от нерастраченной ярости. Ему не нужна была ласка. Только страсть, в которой можно утопить то, что кипело внутри.

Басар и Гизем двигались с той грацией, что бывает только у женщин, знающих цену своему телу. Их жесты были страстны — словно танец, выученный и отрепетированный. Они приближались, не касаясь хана: скользили ладонями по талиям, по изгибам бёдер, по груди — раздевая, поглаживая, дразня. Одна стягивала с другой пояс, вторая — медленно спускала лямки туники, обнажая плечи, грудь и живот подруги. Это было не просто раздевание — представление. Словно они выставляли друг друга напоказ.

Их тела были дарами, а он — тот, кто должен выбрать. Или взять оба. Одежда слой за слоем стекала к ногам, обнажая смуглую кожу и гибкие, поджарые тела. Басар — дерзкая, страстная, с низкими гортанными стонами, от которых хан терял терпение, желая как можно скорее погрузиться в тепло девичьего тела. Гизем — порывистая, юная, смеюща-

яся так, будто всё происходящее — игра. Но в этом смехе сквозила уверенность. Она была не менее искусна, чем Басар — просто играла роль младшей подруги.

Ни стеснения. Ни ложной скромности. Только женская свобода и провокация.

Когда ткани упали к их ногам, они, не глядя друг на друга, как по невидимому сигналу, повернулись к хану — уверенные, обнажённые, сияющие золотыми телами в свете жаровни.

Они приблизились — с обеих сторон, как две тени. Их пальцы неторопливо скользнули по его телу. Он не шевелился, только смотрел — сдержанно, почти равнодушно.

Гизем развязала завязки его штанов. Басар стянула с него рубаху и откинула её в сторону. Его бронзовый торс блеснул в свете очага: под кожей — мышцы, рельеф, сила воинского тела. На плечах — царапины. На боку — свежий синяк. Но он не замечал боли, сосредоточенный лишь на том, чтобы получить удовлетворение, в котором теперь нуждался, глядя на груди юных соблазнительниц и их стройные тела.

Басар наклонилась к его лицу — губы были близко, тёплое дыхание коснулось его лица. Взгляд его стал жёстче. Он не отстранился — просто не позволил. Молча, без резкости, но с силой, схватил её за затылок. Его пальцы скользнули ей в волосы и сомкнулись у корней. Хан потянул голову девушки вниз к своему паху — медленно, не спрашивая.

И она охотно подчинилась, без стеснения приняв его член

в свой жаждущий рот. Обхватив пальцами основание, она медленно заскользила языком по всей длине. Её движения были уверенными и плавными с томным изгибом шеи и влажным теплом губ. Её губы то обхватывали его плотно, то отступали, скользя назад с мягким причмокиванием — будто смаковала засахаренный финик, пока тот не растает от жара её рта.

Рядом обнажённая Гизем тёрлась о его бедро. Она прикусывала губу, наблюдая за действиями подруги, и водила рукой по его груди — то поглаживая, то дразня пальцами мужские соски, заставляя хана вздрагивать. Второй рукой она скользнула между своих бёдер, прикоснувшись к набухшему клитору, с каждым мгновением всё быстрее, всё отчаяннее стремясь к последнему толчку перед падением в бездну удовольствия.

Мужчина впервые позволил себе расслабиться. Он запрокинул голову назад и тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы. Наслаждался — тёплым дыханием, ритмичным давлением губ и языка Басар, её неторопливой, искусной лаской. И тем, как тело Гизем извивалось рядом, содрогаясь в оргазме.

Когда горячность их губ и рук уже не утоляла его желания, он отстранился, перехватил Гизем за талию и уложил на спину — прямо на войлок, грубый, с вплетённой шерстью. Колкая от песка и сухости воздуха, ткань была грубой и жёсткой, а кожа девушки — чувствительной после первого оргазма. И от этого её ощущения стали только острее. Он навис

над ней, крепко и властно вжимая её своим телом в лежанку. Она раздвинула ноги без слов. Придвинувшись ближе, он пристроил свой член в её входу и резко вошёл.

Хан Баянчур не был жесток, в отличие от других тюркских мужчин. Но и не стремился быть нежным. Брал её жадно, как берут воду из бурдюка в жаркий день — чтобы утолить жажду. Ни больше, ни меньше.

Он двигался уверенно и сдержанно — без грубости, но и без той медлительной ласки, которую девушки могли бы ожидать от любовника. Он не разговаривал, не терял головы. Даже сейчас он оставался собой — ханом.

Гизем вскрикнула, но через пару достаточно резких толчков хана, который постепенно набирал темп, раскачиваясь бёдрами вперёд и назад, начала стонать, изгибаясь под мужчиной. Басар подползла на коленях с правой стороны к хану, прося его внимания. Он оторвал свою правую руку от груди Гизем, в которую теперь вбивался в более быстром темпе, и, чуть повернувшись корпусом, смочил два пальца о выступившие соки стоящей перед ним на коленях девушки. Мужчина жестом приказал Басар развести ноги шире, а затем толкнулся внутрь неё пальцами, начав двигаться в неспешном темпе. Она задышала чаще, выгнулась.

Девушки стонали почти в унисон, а он лишь чувствовал приятную горячесть девичьего тела своим членом и пальцами. Он чередовал ритм, движения — без суеты, без слов. Просто отдавая телу то, что оно требовало.

Шатёр наполняли тяжёлые вздохи, томные стоны и влажные звуки — шлепки потных тел друг об друга и скольжение члена и пальцев мужчины внутри девушек.

Когда Гизем простонала, дрожа и кончая, он, вытащив пальцы из Басар, слегка толкнул девушку, уложив на бок рядом с Гизем, и, не церемонясь, резко толкнулся в её разгорячённую плоть бедрами.

Глядя на них, Гизем прикоснулась пальцами к своему ещё слишком чувствительному клитору и начала его массировать, вздрагивая от ощущений. Баянчур переводил взгляд с того места, где он соединялся с Басар, на промежность Гизем, наблюдая, как та ублажает саму себя, постанывая и закатывая глаза от удовольствия.

Затем он поставил их обеих на четвереньки, находясь позади них. Девушки выгибали спину и выпячивали ягодицы, сражаясь за внимание хана. Мужчина имел их по очереди, не отдавая предпочтения ни одной из них. Пока он неустанно толкался бёдрами в одну, вторую мужчина ублажал рукой.

Громкие стоны девушек были наверняка слышны проходящим мимо шатра, но хан совершенно этого не стеснялся. Наследник Кагана — он был мужчиной, который мог захотеть и с лёгкостью заполнить любую. Многие девушки и даже женщины постарше мечтали провести с ним ночь.

Он не испытывал желания овладеть ни одной из них, сделав своей. Бесчисленное множество женщин, с которыми он занимался сексом, надеялись пленить хана, но ни одна не

стала для него особенной. Секс для мужчины был лишь способом снять накопившееся напряжение.

В какой-то момент его дыхание стало резким, движения — быстрее, жёстче. Ещё миг — и он почувствовал, как волна жара прокатилась по позвоночнику. Напряжение запульсировало у самого основания члена, требуя выхода, мышцы напряглись, и хан на мгновение замер, как хищник, который готовится к прыжку. Всё тело натянулось, как струна.

Он вынул член — вовремя. И в тот же миг его тело содрогнулось. Кулаки сжались. Спина выгнулась. Он застонал — коротко и глухо. Семя горячей дугой выплеснулось на спину одной из девушек. Он выдохнул. Обтёрся.

И сразу отстранился. Всё закончилось.

— Уходите, — бросил он, уже не глядя на них.

Басар и Гизем быстро оделись, хихикая и потягиваясь, как сытые степные кошки, распластанные на солнце. Их движения оставались томными и неторопливыми — они изгибались, точно невзначай, надеясь удержать его взгляд. Но хан уже не замечал их. В его глазах не было ни желания, ни интереса. Он был с ними в шатре — телом. Но мыслями он был далеко.

Оставшись один, Баянчур отпил воды из бурдюка у очага и, вылив немного на ладонь, умылся. В теле разлилась мягкая истома — глухое эхо разрядки, не принесшей радости. Только привычное физическое облегчение.

В шатре снова воцарилась тишина: потрескивал огонь,

снаружи переговаривались часовые.

Он уже забыл о тех, кто был здесь всего несколько минут назад. Их не было — ни в его сердце, ни в мыслях. А вот мысли о ней — прочно застряли. Не отпускали. Гнездились в голове, как заноза под кожей.

Та, что ждёт его в Поднебесной. Принцесса. Дочь императора. Его будущая жена. Что она за женщина? Холодная и неприступная, как статуя из нефрита? Или горячая и страстная, как уйгурские девушки?

Он не знал. И это злило. Больше, чем сам факт брака. Раздражало, что она уже жила в его голове, хотя он ещё даже не видел её лица.

Глава 5

*Императорская столица Чанъань. Великий дворец Тан.
Лето 745 года.*

Словно море камня и золота, дворец Чанъаня возвышался над землёй — тяжёлый и величественный. Массивные многоскатные крыши с изогнутыми краями ложились одна на другую, образуя каскад теней и света. Бронзовые флюгеры в форме драконов дрожали от слабого ветерка.

По аллеям во внутреннем дворе скользили тени — слуги, которых здесь называли тайцзяни. Их шаги были беззвучны, лица — гладкие, без волос, как у мальчиков, а движения — странно плавные, почти неестественно женственные. Они были в одинаковых тёмных халатах, с затянутыми в узел причёсками, и ни один не поднимал взгляда.

«Им отрезают всё. До корня. И яички, и сам ствол — подчистую. Это у них называется цюань цэ — «полное удаление». Без снадобий, без жалости. Нож, лёд, тугая повязка. После этого мальчишка должен сидеть на глиняном горшке — чтобы отверстие не заросло. Выживет — будет евнухом. Нет — значит, так распорядились Небеса. Чтобы не могли ни смотреть на женщин, ни мечтать о семье и детях.» — сказал когда-то Кюль-Барыс — его старший советник, побывавший при дворе Тан.

И сейчас Баянчур видел тайцзяни своими глазами. Ему

было трудно смотреть на них. Эти мужчины без мужского достоинства, кастрированные ради того, чтобы их подпускали к гарему. «И они ещё называют нас варварами» — мрачно подумал хан.

Ни один из племени тюрков не поступит так даже с врагом. Если уж убивать, то быстро. Честно. Мечом. А не вот так — уродовать мальчика на всю жизнь. Сколько им было? Семь? Девять? Иногда меньше? У Баянчура это не укладывалось в голове. В его мире мальчик должен был учиться держаться в седле, натягивать лук, оберегать мать, смотреть отцу в глаза. А не терять свою мужскую суть, чтобы потом стать слугой в императорском дворце. Говорили, некоторые из них даже имели влияние при Совете Императора, командовали стражей, принимали решения. «Порядок,» — гордо говорили китайцы. — «Цивилизация.» А Баянчур чувствовал только отвращение.

Внутри дворца стояла тишина. Прохладно, как будто стены сами отталкивали жар степи. Лёгкий ветер пробежал по гладким плитам внутреннего двора, не поднимая пыли, но принося с собой утренние запахи: свежезаваренный чай с жасмином, сандал, дым от благовоний и жаровен, где в глиняных сосудах томились груши, фаршированные мёдом, имбирём и кедровыми орешками. Сладость фруктов, смешанная с пряным теплом приправ казалась частью самой утренней тишины дворца.

Баянчур вёл коня сам, не позволяя никому касаться по-

водьев. Он ступал по узкому красному мостику, ведущему к внутренним покоям — тому самому, по которому проходили лишь члены императорской семьи и редкие гости, допущенные к сердцу Поднебесной.

Никаких толп. Никакой суеты. Только церемониймейстеры, чиновники с застывшими лицами и юный принц, посланный от имени императора. Приветствие было чётким, выверенным — ни словом больше, чем позволяли ритуалы.

Брак — дело политическое. Баянчур знал это. Как знал и то, что невесту он сегодня не увидит. Всё — по правилам. Сначала — свитки. Подписи. Печати. Только потом — женщина.

Император вошёл в зал в жёлтом шёлке, узор которого был так тонок, что казалось — дракон на ткани вот-вот оживёт. Он не выглядел ни враждебным, ни приветливым. Он был лицом империи. Лицом, которому не нужно улыбаться.

Баянчур склонил голову. Не в покорности — в уважении равного. Император едва заметно кивнул в ответ. Их взгляды пересеклись на миг — как взгляды двух охотников, случайно встретившихся на одной тропе.

Когда свиток зашелестел, кисть скользнула по бумаге, а нефритовая печать оставила алый отпечаток — союз был заключён. На бумаге. В присутствии свидетелей. И вскоре будет скреплен телами. Кровью. Судьбами.

Танская империя просила защиты — каганат предлагал меч. Взамен Поднебесная открывала караванные пути, обе-

щала шёлк, рис, железо. Но главное — династический брак. Император требовал гарантий. И давал свою — отдавая варварам свою плоть и кровь.

Баянчур вышел из зала неспешно, с прямой спиной. Чанъ-ань остался позади. Впереди — свадьба, до которой оставалось три дня. И невеста, чьего имени он даже не знал. Только род — Ли из императорский дома династии Тан.

Внутренний двор хоугуна. Императорская столица Чанъ-ань. Через три дня после подписания.

Цветы сливы были вышиты на шёлке её свадебного одеяния — сотни крохотных лепестков, оттенков от жемчужного до густо-малинового. Ткань струилась, как вода, перехваченная поясом с нефритовой пряжкой. На лбу — подвеска в виде капли, касающаяся междубровья при каждом движении. Её лицо было непроницаемо, как гладь утреннего озера.

Баянчур смотрел на неё, пытаясь найти в ней ответ на простой вопрос: что в ней такого, что император решил отправить именно её? Почему — она?

Она шла к нему, не поднимая глаз, в сопровождении двух старших фрейлин. Шаг за шагом — медленно, как учили. Но Баянчур даже в покорности её движений разглядел не слабость, а силу. Сталь, скрытую под шёлком. Она не была похожа на остальных членов императорской семьи. В её гордой осанке читалось достоинство, а в поджатых пухлых губах — немой вызов. Он хотел услышать её имя из её же уст. Но по этикету его должна была произнести старшая фрейлина:

— Ли Юн. Дочь императора, рождённая от наложницы рода Цзя. Выдана в жёны хану Баянчуру, по воле Небес и ради мира.

"Дочь наложницы." Он едва уловимо вздрогнул. Эти слова задели глубже, чем он ожидал. Внутри защемило. Его собственная мать тоже была трофеем. Её взяли в налёте на тохарский караван — в районе Кучи, где её народ ещё пытался торговать и держаться за остатки своих земель. Красивая, с мягким акцентом и непокорным взглядом, Ашина была слишком чуждой для уйгуров. Тонкая и молчаливая. Тохарка была вещью, доставшейся Кагану как трофеем. Она так и жила в ставке — без статуса, без права голоса, без покровителей. Украшение, к которому никто не относился как к человеку.

Когда она родила сына, Каган потерял к ней интерес. Женская зависть, слухи, напряжение среди уйгуров, которые ненавидели тохаров — всё это стало поводом избавиться от неё. Ашину и Баянчура отправили подальше с глаз долой: в юртный лагерь на краю каганата, где они жили среди охотников и сезонных перегонщиков. Там она и воспитывала Баянчура, ведя тихую, размеренную жизнь.

И у неё не было защитников. Кроме него. Её маленького сына. Мальчишки восьми лет. Слишком маленький, чтобы понимать всю мерзость мира — но уже достаточно взрослый, чтобы знать запах страха. И понять главное: они были — никем. За них никто не заступится. Никто не придёт на

помощь. У них нет рода, за них не будет мстить клан. И потому у неё был только он. А у него — только она.

Он помнил тот день так, будто это случилось вчера.

Мать разрешила ему поужинать с охотниками, послушать рассказы. Он сидел у костра, вырезая из дерева фигурку жеребёнка. Остриё охотничьего ножа осторожно скользило по сучковатой поверхности — он уже выточил спину и шею, оставалось только довести до ума ноги. Он хотел подарить эту игрушку матери. Она всегда смотрела на его работу с тихой, светлой улыбкой.

Пламя потрескивало, охотники спорили о зимнем пути. И тут — женские крики. Затем — гомон и встревоженные голоса у юрты. Несколько женщин выскочили, размахивая руками и что-то объясняя. Мальчик поднял голову, осматриваясь вокруг, но матери не было видно среди женщин.

— Там к ней — услышал он обрывок фразы и вскочил.

Он посмотрел на охотников. Те обернулись, переглянулись но не двинулись с места. Кто-то отвёл взгляд, кто-то снова смотрел в огонь. Кто-то даже поднялся, но потом пожал плечами и опустил обратно.

— Её дело, — буркнул один.

— Наложница — пускай сама разбирается, — отрезал второй.

Баянчур не слушал, он уже бежал в сторону юрты. Сердце бухало в груди. Заскочил внутрь. Мгновенно. Увидел. Пьяный воин из клана тэлэ. Тяжёлый, с шеей, как у быка, и ру-

ками, как дубовые столбы юрты, навалился на мать, рвал её одежду, мял грудь, прижимал к земляному полу. Она не кричала. Только дергалась и стонала.

— Молчи, бывшая наложница! — рычал он. — Ты не имеешь права говорить «нет»!

Он прошипел ей на ухо, сдавив запястья:

— Вякнешь — я вырежу твоего щенка, и никто даже не заметит. Всё равно он — ничей.

И мальчик вдруг понял, почему мама не кричала. Только дергалась и стонала. Сжимала зубы, но молчала. Ради него. Ради сына. Единственного, кто у неё был.

Оглядевшись вокруг в поисках оружия, Баянчур вдруг осознал, что до сих пор сжимает в руке свой охотничий нож, с которым сидел у костра. Тот самый, что подарил ему старый тюмен — бывший лучник, учивший его снимать шкуры и ставить петли, когда мальчику едва исполнилось пять.

И он начал подкрадываться — как зверёныш. Тихо. Со спины. Вспомнил — бить надо сзади. Под колени. Где сухожилия.

Первый удар — по сухожилию под левым коленом. Второй — под правым. Воин взвыл, откатился, схватившись за ноги. Мать подхватила, отпрянула в сторону — воин не успел её схватить, но успел ухватить мальчишку за плечо тяжёлой, окровавленной рукой. Рывкнул, зашипел от боли. Рванул его вниз, к себе, сжав горло. Баянчур не удержался — упал на колени. Он задыхался, в глазах потемнело, но паль-

цы вцепились в рукоять ножа. Двумя руками — как учили. Рывок вперёд. Удар в глазницу. Навалившись всем телом. Лезвие вошло с хрустом. Обломилось. Рука воина соскользнула с его плеча. Он замер. Застыл. Мальчик остался сидеть на нём — весь в крови. Не плакал. Только тяжело дышал, сжимая в ладонях обломанную рукоять.

На мать не смотрел — боялся увидеть, что опоздал.

Когда прибежали другие женщины, он уже сидел рядом с трупом. Молча. С глазами, в которых была пустота. Потом пришли мужчины. Его не били. Только молча увели. И бросили в яму — ждать старших. Он знал: за убийство взрослого воина — пусть даже пьяного — не прощают. Он знал, чем это грозит: поркой. Изгнанием. Может, даже смертью. Он только надеялся, что мать пощадят.

Приехал Кюль-Барыс — советник Кагана. Молодой, суровый, с холодными пронзительными глазами. Он зашёл в шатёр. Осмотрел тело, которое уже накрыли старым ковром. Помолчал. Велел привести мальчика.

Баянчур ввели — грязного, окровавленного. Он смотрел прямо перед собой. Он не дрожал. Не просил пощады. Только губы были плотно сжаты. Кюль-Барыс молчал, пока не выгнал всех из шатра. Потом подошёл к мальчику, сел перед ним на корточки. Посмотрел в упор. А потом сказал то, что Баянчур запомнил на всю жизнь:

— Ты — сын Кагана. Не забывай. Никто не смеет тронуть тебя без последствий.

С того дня многое изменилось. Мать перевели на лёгкую работу. Ей выделили отдельный шатёр. Дали приданое — как положено женщине, готовой выйти замуж. Но она не вышла. А через год умерла. Тихо. Незаметно. Так и не став ничьей женой.

Сначала появился сухой кашель по вечерам. Потом — слабость, жар. Она всё ещё улыбалась сыну, гладила его по голове, варила травы, кипятила воду. Но по утрам уже не вставала, чтобы проводить его на охоту. Щёки впали, губы побелели, движения стали вялыми.

Он не знал, как называлась эта болезнь. Только знал: мать тает — день за днём, как иней под весенним солнцем. Даже отун — старая целительница, что лечила воинов и принимала роды в степи, — не смогла помочь. Приходила, прикладывала ладони, заваривала горькие корни, обкуривала шатёр можжевелевым дымом, ставила у изголовья камни, нагретые в огне. И всё же болезнь не уходила. Позвали шамана — бакса из рода йаглакар, чтоб изгнал злого духа, но и он ничем не смог помочь.

А в один из дней она просто перестала дышать. Без крика. Без боли. Без прощания.

Он вернулся с охоты и нашёл её в постели. Казалось, она просто спит. Лицо было спокойным. Тело ещё хранило тепло. Но она уже не дышала. Сердце не билось.

Как будто ветер степи унёс её душу из шатра, оставив только пустоту.

А ещё через год погиб старший сын Кагана. И тогда отец вспомнил о нём. Баянчуру было десять. Его привезли в ставку. С тех пор он жил среди воинов. И учился быть наследником.

Глава 6

*Императорская столица Чанъань. Великий дворец Тан.
Лето 745 года.*

Он стоял рядом с Ли Юн и молчал. После представления прошло всего несколько минут, но ему показалось — вечность. И обещал себе — она не будет жить так, как его мать. Он даст ей время. Пространство. Право говорить. Право смотреть ему в глаза. И только потом — когда привыкнет к нему и каганату — станет его женой по-настоящему.

Фрейлины накинули на её лицо вуаль — тончайшую, почти прозрачную, как дым. И началась церемония.

Алую ширму поставили между ними по традиции. Символ — жених и невеста пока разделены. Пока чужие. Но он уже чувствовал её: за тканью, за вуалью, за этими бесконечными правилами Поднебесной. Она не теребила рукава, не шептала молитв. Стояла прямо. Спокойно. Слишком спокойно для девушки, выданной варварам. Или именно так себя и должна вести дочь императора?

Потом ритуальную ширму убрали. Они уже смотрели друг другу в глаза, но теперь это происходило перед всеми. Официально. Торжественно. Заключая союз.

Церемония шла в соответствии с традициями: поклон Небу и Земле, предкам, друг другу. Они не говорили. Только двигались — синхронно. Когда поднесли чаши с вином, она

коснулась губами, отпив глоток, так же как и он из своей. Потом они поменялись — по ритуалу.

Он почувствовал след её губ на краю своей чаши. Не вкус. Намёк. След дыхания. Но отогнал мысль о вкусе её губ. Не время.

В тот момент он не почувствовал желания. Только уважение. Настороженное и холодное.

Кочевая ставка в долине реки Орхон. Уйгурский каганат. Спустя девять дней после свадьбы в Чанъане.

Они пересекали границу империи при свете луны — без песен, без фанфар, без прощаний. Как уходит тень дня — бесшумно. Принцесса не оглянулась на Чанъань. И он это запомнил, подумав, что, наверное, жизнь детей наложниц везде одинакова.

Путь занял восемь дней. Она не жаловалась. Не просила остановок. Не пыталась заговорить. К его удивлению одета она была в простое светлое платье, волосы перевязаны тёмной лентой. Никаких нефритов. Никаких фениксов в причёске. Только она. Настоящая. И от этого ещё более привлекательная. Она не говорила на уйгурском. Лишь иногда смотрела на него — быстро, из-под ресниц. Но именно эти взгляды жгли сильнее всего. Хорошо, что она не знала, как действуют на него её движения, её взгляды, её запах, её молчание. Каждый её взгляд — был, как горячее дыхание на коже. Каждое её грациозное движение в седле, каждое приглаживание волос, каждый жест за обедом — искушение. Он не

знал, делает ли она это нарочно. Уговаривал себя: он подождёт. Даст время. Даст свободу. Но с каждым днём его самоконтроль трескался, как земля под палящим летним солнцем пустыни.

Ставка уже ждала. Их встретили песнями, дымом очагов, цветными лентами на гривах лошадей. Без золота. Но с теплом. Установленные юрты, выложенный камнями круг для обряда, дымящиеся очаги и всадники в боевых доспехах. В руках у женщин — чаши с кумысом и подносы с кусками тушёного мяса для пиршества. Музыка гремела не флейтами, а бубнами, гортанными песнями, ударами в барабаны.

Церемония должна была быть быстрой и следовать сразу за трапезой. Здесь скрепляли союз иначе, чем в Поднебесной: общим кумысом, символической перевязкой запястий, кругом вокруг очага и поцелуем под рёв одобрения соплеменников.

Свадьба здесь — другая. Здесь невесту не провожают к мужу — здесь её встречают. Ли Юн увели готовиться к церемонии.

И вот, на закате, она пришла на пир. В платье из тонкого, струящегося белого шёлка с бледно-розовым отливом. Волосы перевиты серебряной нитью, в причёске — шпильки. Ткань обтягивала тело, прилипала к коже при каждом порыве ветра. Когда она наклонялась к столу, он видел всё — высокую грудь, плавный изгиб бёдер, тонкую линию живота. Огонь играл на её одежде, как солнце на воде, — и этого

оказалось достаточно, чтобы у него пересохло во рту. Чёрные волосы, блестящие в отблесках костра. Фарфоровая кожа. Мягкие, полные губы, чуть приоткрытые — особенно, когда она ела. Когда подносила к губам финик, мягко прикусывала, облизывала подушечку большого пальца. Ни тени кокетства — только естественная грация. Но ему этого хватило, чтобы дыхание сбилось, чтобы внизу живота вспыхнул жар — будто она касалась не фрукта, а его. А её тело Он не знал, как в ней сочетались эта фарфоровая хрупкость и соблазнительные округлые формы, от которых сводило в паху.

Он встречал невесту без оружия, без украшений. Только в тунике и с открытым лицом. И теперь сидел, словно натянутый лук, в ожидании церемонии.

Когда они вышли к церемониальному костру, её платье, и без того тонкое, стало почти прозрачным в свете огня. Ткань жила своей жизнью — то скрывала, то подчеркивала, то откровенно выставляла на показ. Каждый её шаг, каждое движение было испытанием для его выдержки. Искушением. И это сводило его с ума.

Старейшины племени связали их запястья длинной тесьмой из шерсти и шёлка — красной, белой и чёрной. Цвета жизни, смерти и судьбы.

— Вы теперь — одно, — сказал шаман. — Если один упадёт, другой обязан поднять. Если один погибнет — другой не должен забыть.

Они сделали круг вокруг огня. Она ни разу не дрогнула.

Была спокойна. Он не прикасался к ней всю дорогу до каганата, давая ей время привыкнуть. Девять дней. Девять ночей. Но сейчас чувствовал, что его терпение на исходе.

Звучали барабаны. Кто-то пел. Но он не слышал ничего, только чувствовал её рядом — её шаги, её тепло, её дразнящее дыхание на коже. И вдруг в голове стало пусто. Все его благие намерения, все клятвы «дать ей время» — растворились в тумане желания. Она не смотрела на него. А он не мог оторвать взгляда от изгиба её шеи. Как её высокая полная грудь поднимается под тонкой тканью, когда она дышит. Он почти физически чувствовал, как под лёгким ветром её грудь вздрагивала — едва-едва, но достаточно, чтобы под тканью появились две крошечные тени, как горошины, острые от холода и дыхания ночи. Он хотел знать, какого они цвета — эти бледные, чуть стыдливые лепестки под тканью. Хотел узнать, как они отзовутся на его прикосновение, какие они на вкус — солоноватые, тёплые, живые, настоящие.

Желание вспыхнуло в нём, как степной костёр — без предупреждения, без пощады.

Она будто была соткана — для этого огня, для этой ночи, для его рук. Она шагала рядом, не подозревая, насколько каждое движение её тела подталкивало его к безумию.

И в этом тихом обряде, под бой барабана и гул голосов, в нём вспыхнул голод. Не просто желание женщины. Жажда обладать ею — его женой.

Он сжал её руку чуть крепче. Они сделали последний круг

вокруг очага. И когда они остановились перед огнём, он наклонился, чтобы вдохнуть аромат её кожи. Цветы сливы. Его жена. Его женщина.

— Сегодня ты станешь моей, — сказал он на уйгурском шёпотом, в ожидании благословения шамана. Не как угроза. Не как обещание. Как неизбежность.

Он больше не мог. Он чувствовал — если ещё хоть минуту будет идти рядом, если ещё раз увидит, как колышется ткань на её груди и бёдрах — он сорвётся. А услышав слова шамана о поцелуе, скрепляющем союз, он будто сошёл с ума, почувствовав, как весь мир свёлся к одной точке — её губам. Сейчас когда ветер трепал её волосы, когда губы её дрожали в ожидании его поцелуя, он понял: всё. Довольно.

Он не думал больше ни о союзе, ни об отце, ни о политике. Он думал о ней. Только о ней. И об этой ночи.

Он должен был поцеловать и отпустить её руку. Сделать шаг в сторону. Улыбнуться своим, принять поздравления, выслушать благословения старейшин. Но не сделал ничего из этого. Она — его жена. Степь уже признала её. Народ — тоже. Осталось, чтобы признало её тело. В конце концов, он в своём праве.

Он почти сорвал с неё перевязь, схватил за запястье — не грубо, но властно — и повёл в сторону своего шатра. Быстро. Молча.

Народ гудел, смеялись, кто-то кричал им вслед что-то весёлое — но он ничего этого не слышал.

Он шёл вперёд, не оборачиваясь. Как будто убегал. От своей клятвы. От собственной сдержанности. От самого себя.

Он злился. На неё — потому что она слишком соблазнительна. На себя — потому что слишком хочет её. На их союз — потому что он его не хотел. Он вёл её в шатёр, будто бросая вызов самому себе. "Всего лишь женщина," — твердил он мысленно. — "Ты хан. Ты не обязан ждать. Возьми её и избавься от этого навязчивого желания."

Она вдруг упёрлась. Прямо у входа в шатёр. Маленькая, но цепкая ладонь легла на его руку, пытаюсь вырвать вторую из его захвата. Не с мольбой — с силой.

Он сжал её запястье ещё сильнее. Он никогда не заставлял женщин. Они приходили к нему сами. Говорили, что хотят. Что мечтали. Он мог брать любую, но никогда не брал без согласия. Но сейчас Сейчас в нём гудело что-то дикое. Вот она — женщина, ставшая его женой по приказу, к которой он ничего не чувствовал, но которую почему-то хотел. Он не хотел быть зверем. Но не мог остановиться.

Глава 7

*Шатёр наследного хана Баянчура. Уйгурский каганат.
Осень 745 года.*

Он грубо распахнул полог шатра и толкнул её внутрь. Здесь не было ни придворных, ни свидетелей. Теперь можно было не притворяться.

Он смерил её холодным, оценивающим взглядом.

— Кажется, перед тем как отдать, они забыли выбить из тебя горделивость и непокорность, — произнёс хан медленно, по-уйгурски.

Она молчала, не выказывая страха. Ни было ни слёз, ни мольбы. Только выпрямленная спина и прямой взгляд, полный упрямой храбрости.

Она приняла свою судьбу, но не смирилась.

Он задержался взглядом на её свадебном наряде. Тонкий, струящийся шёлк цвета распустившейся сливы. Рукава, расшитые золотыми нитями и жемчугом, тянулись до пола. На шее — ожерелье из белого нефрита — гладкого и матового — того самого камня, который в Поднебесной считался символом чистоты, добродетели и небесного происхождения. Он знал: такие украшения разрешалось носить только женщинам из дома императора — и лишь по особому указу. Волосы собраны в сложную причёску, усыпанную шпильками в форме фениксов и магнолий.

Она была слишком красивая и гордая.

Он чувствовал, как что-то тёплое, почти нежное прокрадось под рёбра и заскреблось — точно запертый зверь, выли и царапался когтями из самого нутра. Он мгновенно подавил это. Раздавил, как мерзкого степного скорпиона, посмевшегося вылезти из укрытия. Такие вещи нельзя допускать. Такие чувства — опасны. Особенно к чужеземной девчонке, только что выданной ему в жёны в качестве политической разменной монеты.

Он шагнул ближе и — зачем-то — снова заговорил. Хотя знал: она не понимает уйгурского.

— Раз уж мы теперь женаты, — бросил он глухо, — стоит ли откладывать то, что всё равно неизбежно? Скрепим союз. Сейчас.

Он сам не понял — это был приказ или предупреждение. Его глаза стали холодными, как полированный стальной клинок. На скулах заходили желваки. Он злился. Не на неё — на себя. Он ведь хотел быть терпеливым. Ещё до свадьбы говорил себе: даст ей время привыкнуть, приглядеться, понять, с кем имеет дело.

А потом всё рухнуло. Стоило ей появиться вечером на пире — и он потерял самообладание.

Как только они вышли из-за пиршественного стола, он сорвался. Поспешил. Повёл себя не как хан, а как мальчишка, увидевший игрушку и сразу захотевший ею завладеть. Моя. Никому не отдам.

«Вот же шайтан!» — в сердцах выругался про себя сын Кагана. Он сам себя не узнавал.

Он пытался заставить себя поверить: «Она такая же. Такая же, как остальные».

Он смотрел в её ясные глаза, обрамлённые длинными ресницами, но взгляд снова и снова возвращался к её губам — сочным, пухлым, будто созданным для поцелуев. Хотелось коснуться их, узнать, какие они на ощупь: тёплые ли, мягкие ли. В ней была обманчивая, почти фарфоровая хрупкость, но за этой хрупкостью он чувствовал жар налитого, упругого, женственного тела.

И в нём уже поднималась буря. Стихия, которую, как он начал подозревать, утолить сможет только она сама.

Но вслух он сказал другое:

— Ну, давай посмотрим, что мне передали.

Принцесса замерла всего на миг, но он всё равно уловил её короткий, почти неслышный вдох — будто он оскорбил её тем, что говорил о ней как о вещи: ценной и редкой, но всё же вещи.

Но ему — наследному хану — было всё равно. По крайней мере, он изо всех сил пытался убедить себя в этом.

Она быстро опустила глаза, чтобы спрятать вспыхнувшие на лице страх и растерянность, а потом медленно подняла взгляд, наблюдая за ним из-под ресниц. И стояла прямо. Без движения.

Как будто это не он приказывал, а она — позволяла.

Хан подошёл ближе. Почти вплотную. Его шаги были беззвучны — как у хищника, подкрадывающегося к добыче. Он поднял руку — неторопливо, с ленивой грацией. Пальцы сомкнулись на тонкой ткани, скрывавшей её грудь.

Полупрозрачный шёлк, расшитый цветами сливы и нитями цвета нефрита, дрогнул под его пальцами.

А потом — резкий рывок. Раздался хруст, и ткань соскользнула с её плеч, тяжело собравшись у запястий. Шёлк лёг на кожу, как кандалы. Она не дрогнула, не отступила, только тело предавало её: грудная клетка вздымалась слишком часто, а подбородок едва заметно подрагивал.

И всё же лицо её оставалось непроницаемым.

Она не заслонилась, не отвернулась, только сжала кулаки и крепче стиснула зубы, и устояла. Когда-то она стыдилась собственного тела, избегала зеркал и ненавидела то, что видела в отражении: слишком полную грудь, округлые бёдра и тонкую талию. Слишком женственную.

Но Ма Суань — наставница, наложница в прошлом — однажды сказала: «Такая грудь делает мужчину беспомощным. Это не слабость, госпожа. Это — оружие». И Ли Юн запомнила. С того дня она училась владеть телом, как мечом.

Сейчас она видела: он смотрит и не может отвести глаз. Смотрит дольше, чем хотел бы, — и это она тоже запомнила.

Не ей надо было стыдиться, а ему — тому, кто до этого мгновения не видел в ней женщину. Только трофей. Добычу.

Они стояли друг напротив друга.

Она — юная и красивая. Обнажённая до пояса, но не сломленная. Он — хищник, у которого впервые дрогнули пальцы.

И тогда она снова вспомнила слова Ма Суань: «Мужчина — это лук. Натянешь слишком туго — сломается. Слабо — не выстрелит. Но если поймашь нужное напряжение твоя стрела попадёт точно в цель». Она видела, как его взгляд потемнел — тяжёлый, сосредоточенный. Рука потянулась к ней. Он хотел дотронуться до её груди.

Она приготовилась к грубости, к боли.

Но его пальцы дрогнули. Хан сжал кулаки. Костяшки побелели. Он хотел что-то сказать или сделать. Но не сделал.

— Брачная ночь окончена, — глухо бросил он. — Тебе принесут одежду взамен испорченной.

Он резко развернулся и вышел. Полог шатра колыхнулся и упал, как занавес.

Тишина.

Ли Юн не шевелилась. Только спустя несколько долгих ударов сердца — выдохнула. Одна-единственная слеза скатилась по её щеке — тёплая, но не жалобная. Её мысли были холодны и чётки.

Она не проиграла. Нет.

«Ты должна быть ветром, Юн, — говорила Ма Суань. — Не стеной. Не огнём. Ветер пронзает — и остаётся в груди».

Она станет для него ветром. Ветром степи. Он не заметит, как начнёт искать её глазами. Она перестанет спать спокой-

но, будет видеть её во сне. Он запомнит эту ночь.

И с неё начнётся путь Ли Юн.

К его сердцу.

К месту, которое она займёт — в его жизни. В его душе.

Месту, достойному принцессы.

Полог шатра с шорохом упал за спиной хана, точно став последней преградой между ним и тем, чего он так и не осмелился взять.

Он шел, не разбирая дороги. Шаги широкие, резкие. В груди гремело. Не гнев. Даже не похоть. Что-то другое. Глубже. Опаснее.

Он злился.

На себя — за слабость. На неё — за то, что не боится. На её тело — за то, как оно его манит. На её взгляд — за то, что он такой чистый, но в нём нет ни тени смирения. Только терпение. Он не хотел, чтобы она его терпела. А чего он хотел? Он и сам не мог сказать. Или не готов был себе признаться.

У костра его не ждали. Воины — кто с собой — бурдюком из выдубленной кожи, кто с деревянными чашами в руках — встретили его довольными, насмешливыми взглядами.

— Быстро ты! — крикнул кто-то, поднимая чашу. — Успел до того, как костёр погас!

Он ничего не ответил. Лишь сжал челюсть. Подошёл, взял бурдюк с кумысом, осушил его залпом, а после вытер губы.

Смеялись. Пели. Кто-то начал подкидывать ножи. Кто-то рассказывал скабрзные байки.

Он сидел. Не разговаривал. Да и не прислушивался к разговорам. Глядел в костёр. И в пламени — снова видел её.

Он попытался отогнать этот образ. Вспомнить любую другую женщину. Их было много. Их имена давно стерлись. Их запахи, стоны, руки, волосы. Но ни одна из них не стояла перед ним — обнажённая, хрупкая, гордая. И недрогнувшая.

От этой мысли сводило зубы. Он подумал: «В конце концов, это всего лишь жена. Надо просто потерпеть. Она привыкнет. Сама ко мне придёт. Я приручу её, как дикую кобылку».

Он поднял взгляд к звёздам. Они мигали холодно. И казалось, смеялись. Словно знали, как он ошибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.